

въ ихъ интимномъ быту, незатронутымъ несчастными реформами. Я не стану упрекать кн. Голицына-Муравлина или покойнаго Лебедева въ неблагонамѣренности, въ недостаткѣ любви къ отечеству или въ пѣнѣ, а вѣдь это такъ легко было бы сдѣлать, придерживаясь наболевшей, установленной «консервативной» печати. Я спрошу только: гдѣ же «добро» наконецъ, гдѣ «свѣтлая явленія», когда ницуютъ ихъ, какъ «Недѣлю», *froh sind, wenn sie Regierungster finden*, обязанные ихъ найти, какъ беллетристы такъ называемаго консервативнаго лагеря, даютъ картины безпросвѣтнаго мрака и содома?

III.

Молодость-ли?

Похоронили Щедрина. Вздволнованное общественное чувство еще не вполне улеглось. Великій писатель и смертью своею послужилъ русскому обществу ту самую службу, которую неся всю жизнь: ветрихнулъ его, приподнялъ, — увы! — въ послѣдній разъ и, боюсь, не надолго. На обязанности литературы лежить возможно дольше удерживать вниманіе общества на повеселенной имъ потерѣ. Я надѣюсь съ теченіемъ времени представить послѣдній анализъ некихъ сочиненій покойника и характеристику его, какъ писателя *). Но и теперь, о чемъ бы ни думалъ, невольно обращаешься мыслью къ Волкову кладбищу, гдѣ засыпаетъ землею Салтыковъ...

Есть люди, на улицѣ которыхъ былъ праздникъ, а во похороны, въ день похоронъ Щедрина. Но это такое ничтожное меньшинство, что тѣ тысячи людей, которые пришли проводить покойника въ страну небытія, по справедливости могли себя считать представителями всероссійскаго горя. Въ этомъ смыслѣ говорились рѣчи на могилѣ, писались статьи въ газетахъ. Ко многому изъ сказаннаго и написаннаго (относительно ко всему) я вполне присоединяюсь, но я имѣю и нѣчто прибавить.

Говори о Щедринѣ, слишкомъ часто забываю, что онъ былъ не только великій писатель, великій сатирикъ, а и журналистъ. Журналистъ, то есть человекъ вполне определенного направленія, которое и выражалось въ руководимомъ имъ журналѣ. Если поэтому 2-го мая происходили похороны на всероссійской улицѣ, такъ есть, скажемъ, переулкѣ, гдѣ было особенно мрачно, особенно печально въ дождливый, мрачный день 2-го мая. Первымъ изъ этихъ переулковъ есть каналъ — ожившійся сотрудникъ Щедрина,

а затѣмъ и прочіе единомышленники, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. Великій талантъ Щедрина поднималъ его высоко надъ всеми отбѣнками нашихъ партій, по уму и сердцемъ онъ принадлежалъ извѣстному, вполне определенному направленію. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ на правленіи, и я хочу напомнить факты, историю, слишкомъ часто и слишкомъ охотно забываемый. А между тѣмъ грѣшно бы, кажется, забывать то, на служеніе чему покойникъ тратилъ столько силъ и ради чего онъ отказался отъ спокойной, почетной роли художника-созерцателя, съумѣвшаго избраться «на ту высокую гору, гдѣ роза безъ шиповъ растетъ». Фельетонистъ одной петербургской газеты, рискнувшій на развязную параллель между Салтыковымъ и покойнымъ министромъ гр. А. Д. Толстымъ, непрекнутъ великаго писателя тѣмъ, что онъ иногда «по своимъ билъ». Итъ, онъ хорошо знаетъ «своихъ», и тѣ, по комъ онъ билъ, были не свои ему, какія бы клички они ни носили. Онъ не боялся кличекъ, и самъ раздавалъ ихъ. «Плюскавители» испытали это на себѣ съ такою же явственностью, какъ и «торжествующая свинья». Не въ видахъ сколько-нибудь полной характеристики Щедрина, какъ журналиста, а просто такъ, къ слову, я напомню еще одну черту. Щедринъ былъ сатирикъ, значитъ, положительныхъ типовъ у него не было. Сатирикъ, «любя наказывать». Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ любилъ именно тѣхъ, кого наказываетъ. Исследовавъ все словъ русскаго общества вдоль и поперекъ (сказать и рядомъ писаніи Щедрина представлялось собою именно исследование), онъ отнюдь не безразлично хлесталъ своимъ сатирическимъ бичемъ направо и налево. Относительно количества и яркости отрицательныхъ типовъ, выхваченныхъ изъ того, изъ другаго, третьяго словъ, можно придти къ некоторымъ заключеніямъ на счетъ того пункта, къ которому тяготѣли его симпатіи, упования, ожиданія. Въ качествѣ человека, шестнадцатилѣтняго работавшаго съ вѣтъ рука объ-руку въ журналистикѣ, я имѣю бы, можетъ быть, право сослаться на свои личныя наблюденія и воспоминанія. Но я не хочу этого дѣлать. Я просто предлагаю читателю поспѣвать въ самихъ сочиненіяхъ Щедрина область того минимума отрицательныхъ типовъ, которая есть въ тѣхъ областяхъ максимумна его симпатій, надеждъ и доверія. Пропускаю передъ своею памятью длинную вереницу созданныхъ Салтыковымъ образовъ, читатель полагаю, убѣдится, что такихъ областей дѣйствительно, въ-первыхъ, русскій народъ во-вторыхъ — русская молодежь. Полагая впоследствии приставить остановиться на этомъ

*) См. сочиненія, т. V.

а) Первонач. — «Рус. вед.» 1889 № 133, 16 мая, Спб., Спб. заметки.

обстоятельствъ, заслуживающемъ самаго серьезнаго вниманія, я теперь опять-таки просто напоминаю фактъ. Въ пониманіи Щедрина народъ не было, конечно, ничего мистическаго. Вѣчными формами его тоже соблазнить нельзя было, и въ какія бы высокія, истинно-національныя голенища ни засовывали Колупасовы или Разуваевы свои штаны, какъ бы аккуратно ни исполняли они заѣтыя продковъ по части хожденія по субботамъ въ баню и т. п.,—Щедринъ твердо зналъ, что это совсѣмъ не народъ, а просто «чумазный идеть». Но сюда тяготѣли его симпатіи, а къ тому сброду Мосенчу, юбилей котораго онъ такъ торжественно и выразительно отпраздновалъ въ «Снѣ въ дѣтнюю ночь». Самъ неустанный работникъ, страстно любившій свой трудъ, онъ не только не замалчивалъ на Мосенча сатирическихъ бычешъ, но создалъ изъ него едва-ли не единственную свою положительную фигуру. Точно также, самъ почти до смертнаго часа молодой въ смыслѣ свѣжести идеаловъ и стремленій, онъ не могъ быть подкупленъ голымъ фактомъ молодости—малымъ количествомъ лѣтъ. Его симпатіи и довѣріе обращались лишь къ той молодежи, которая духомъ молода, которая полна запросовъ и взмаховъ, слишкомъ часто исчезающихъ съ годами, подъ бременемъ жизненной ноши, но, конечно, стволъ не всегда составляющихъ и атрибутовъ молодежи. «Умѣренные и аккуратныя» дѣти были такъ же презираемы покойникомъ, какъ и «умѣренные и аккуратныя» отцы и какими бы великодушными именами въ родѣ «отрезвленія», «оздоровленія» и проч. ни называлось пониженіе уровня духовной жизни, Щедринъ зналъ, что за этими словами кроется.

Щедринъ давно уже сообщался съ жизнью главнымъ образомъ, а потомъ и исключительно черезъ литературу; подъ ковчею онъ уже и читалъ мало. Но онъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ чрезвычайно чувствительнаго барометра: кажется бы и въ четырехъ стѣнахъ запертъ, а отмѣчается и бурю предстоящую, и тепло, и ясную, и дождливую погоду. Въ этомъ отношеніи Щедринъ былъ по истинѣ изумителенъ. Не выходя изъ своей квартиры и видаясь съ очень ограниченнымъ кругомъ людей, онъ чувалъ всякое теченіе въ общественной атмосферѣ, и чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе были его показанія...

Будетъ пока. Огождемъ отъ этой могилы; «и пусть у гробоваго входа молодая будетъ жизнь играть»!..

Да, пусть бы играла, еслибы въ самомъ дѣлѣ была, но я ее не вижу, она куда-то спряталась. Безъ сомнѣнія, теченіе жизни не прекратилось—люди рождаются, растутъ и уже

потомъ старѣютъ. Все въ порядкѣ, все какъ было всегда. Но въ томъ единственномъ мѣстѣ, въ которомъ русская молодая жизнь можетъ проявить себя всенародно, она не играетъ. Нѣтъ мѣста молодой жизни тамъ, гдѣ можетъ имѣть успѣхъ старческая теорія сопротивленія злу, и гдѣ даже сами титулюющіе себя «молодыми писателями» стары какъ.. во всякомъ случаѣ несравненно старше, чѣмъ шестидесятилѣтній Салтыковъ. У насъ есть «молодые писатели» по разнымъ отраслямъ литературы. Въ качествѣ писателя старшаго возраста, по преданнаго дѣлу литературы, я иной разъ спрашиваю себя: не потому-ли, молъ, ты имѣешь такъ мало общаго съ этими свѣжими силами, что онѣ свѣжія, что онѣ идутъ не въ помощь нашему литературному поколѣнію, а на смѣну ему, и противъ этой неизбежной смѣны напрасно возстаешь и верчишь отжившее и отживающее. Въ самомъ дѣлѣ, эта ревнивая ворчливость стараго, отживающаго—дѣло очень обыкновенное. Однако, добросовѣстно вдумываясь въ свой горькій вопросъ, я прихожу къ совѣту другому, но тоже горькому отвѣту. Старость ворчитъ явное на молодость, формула этой ворчливости выражается цѣлкомъ въ поговоркѣ: *si jeunesse savait, si vieillesse pouvait*. Старость частью обидно ей собственное безсиліе, и она изъ ревниваго чувства бранится, а частью искренно вѣритъ, что неопытность и увечія молодости приводятъ къ дурнымъ послѣдствіямъ. Но я именно молодости-то и не вижу въ нашихъ молодыхъ писателяхъ. Ова или ударятся въ мрачный (можетъ быть иногда напускной), пессимизмъ, который конечно несомнѣнно есть игрой молодой жизни; или такъ опытамъ, такъ трезвенны, такъ умѣренны и аккуратны, что ни о какихъ запросахъ и взмахахъ и рѣчи быть не можетъ. Страннымъ образомъ выходятъ иногда такъ, что именно они ворчатъ на увлеченія стариковъ поколѣній, за которыми, дескать, и имъ приходится раслачиваться. Страннымъ образомъ бороды украшаютъ ихъ лица еще въ ту пору, когда даже материнское молоко на губахъ у нихъ не обсохло, и зубы мудрости появляются одновременно съ молочными зубами. И если даже допустить (а я этого допустить не могу), что въ самомъ дѣлѣ мудрость знаменуется этими зубами, такъ и то можно спросить: гдѣ же молодость? Можетъ быть, на смѣну намъ, дѣл ствительно идетъ нѣчто новое и сильное, но наивнѣе не молодое. А я не думаю кромѣ того, чтобы оно было сильно, потому что это было бы противоестественно. Сила молодости не въ опытности, которой она еще не успѣла приобрести, и не въ трезвенной

которая слишком естественно кипит. Сила молодости исключает всякий запрос, въ ширинѣ размаха крыльевъ духа. Молодость, обреченная или обрекая себя на безкрылое существование, слабѣ самой слабой старости. Два пингвина, старый и молодой, равно безкрылы, но молодой пингвинъ еще въдобавокъ мало знаетъ. Пингвинъ — птица, знаменитая своею глупостью, и упоминаніе о ней можетъ показаться не совсѣмъ удобнымъ. Но я не глудость пингвина имѣю въ виду, а только его безкрылость. Между нашими такъ называемыми молодыми писателями безспорно есть люди умные и чрезвычайно талантливые. Но они безкрылы и не только имъ самимъ «никогда до облакъ не подняться», но они желали бы, чтобы и прочіе люди жили «по малу, по посаженки, низкомъ перелетаючи». Можетъ быть оно такъ и нужно по нынѣшнему времени, но въ такомъ случаѣ по Сенкѣ должна быть и шапка, а нынѣшнее время обречено на скудную, блѣдную литературу. Для пропаганды *terre à terre*'а, полусаженного перелетанія низкомъ, не требуется ни силы, ни вдохновенія. Когда-то И. А. Аксаковъ съ горечью восклицаетъ: «Разбейтесь силы, вы не нужны! Засни ты, духъ! давно пора!». Безумна честная отвага правдивой юности — и съ ней безумны всѣ желанія блага, святія бредни юныхъ дней. Повидимому, нынѣшнему времени этотъ рецептъ приходится по плечу не въ горько-проницательномъ смыслѣ, а въ самомъ серьезномъ.

Я это передумываю, между прочимъ, читая драму г. Чехова «Ивановъ» которая обратила на себя много вниманія и даже рекомендовалась кое-къмъ изъ литературы вообще какъ образецъ, достойный подражанія.

Г. Чеховъ очень талантливый писатель. Въ числѣ его маленькихъ рассказовъ есть истинныя предестыныя вещи, предестыныя по технике живописи, а иногда и по задушевности тона. Пишетъ онъ эти малекія вещи, точно играючи, повидимому не пуская въ ходъ всю сырую, стихійную силу своего таланта. Я поэтому съ большимъ интересомъ ждалъ чего-нибудь большаго размѣромъ, гдѣ г. Чеховъ могъ бы развернуться. Увы! Онъ далъ уже три или четыре большія вещи и не развернувшись даже не свернулся. «Степь» оказалась искусственнымъ слиткомъ такихъ же маленькихъ, незаконченныхъ рассказовъ, какіе авторъ и прежде писалъ, а затѣмъ появилось нѣчто уже совсѣмъ недоумливое. Теперь вотъ драма... Какъ литературное произведение (со сценической стороны дѣла неизвѣстно), драма «Ивановъ» не изъ

удачныхъ. Авторъ, въ своихъ разсказахъ очень смѣлый по части полу-тоновъ, полу-штриховъ, вообще всякаго рода недосказанностей, обнаруживаетъ въ драмѣ удивительную боязливость и подчеркиваетъ такіе черты, которые и безъ того ясны и сами по себѣ не стоятъ подчеркиванія. Приведу одинъ примѣръ. Нѣкій Косыхъ, комическая фигура, большой любитель картъ, до того заранорговывается, что вмѣсто «прощайте» говоритъ «пасъ». Остальные действующие лица смѣются. Кажется, ясно и просто. Но г. Чеховъ боится, что этотъ маленькій комическій эффектъ пропадетъ для зрителей и читателей, и потому заставляетъ еще одно изъ действующихъ лицъ пояснить: «Ну, и доигрался, сердечный, до того, что вмѣсто прощай говоритъ пасъ». Для ненужнаго подчеркиванія извѣстныхъ положеній вводятся даже цѣлыя сцены, съ рискомъ извратить характеръ действующихъ лицъ. Жена Иванова застаётъ его на любовной сценѣ съ Сапей Лебедевой, и это ее, и безъ того еле живую, глубоко потрясаетъ. Г. Чехову этого мало. Онъ заставляетъ Сапу придти къ Иванову на домъ, и здѣсь они, чуть не на глазахъ жены (во всякомъ случаѣ она узнаетъ объ этомъ), продѣлываютъ разныя амурныя игрищия и веселости. Это выходитъ поразительно, ненужно — глупо и жестоко, а между тѣмъ, по замыслу автора, Ивановъ и Сапа отнюдь не глупые и не жестокие люди. Нѣкоторые второстепенныя лица хорошо задуманы, но не выдержаны. Такъ молодой докторъ Львовъ, всѣмъ надѣдающий свою деревенскую, бездушную честность, представляется вамъ всетаки действительно честнымъ человекомъ, и только въ самой послѣдней сценѣ вы неожиданно узнаете изъ монолога Сапы Лебедевой, что онъ не брезгалъ такими грустностями, какъ анонимныя письма. Заключительная сцена самоубійства Иванова (говорятъ, въ театрѣ она не такъ идетъ для пла) производитъ почти комическое впечатлѣніе: прежде чѣмъ Ивановъ, съ револьверомъ въ рукѣ, «отбѣгаетъ и застрѣливается», окружающіе могли бы раза три вырвать у него револьверъ.

Все это я говорю мимоходомъ. Какъ литературное произведение, драма г. Чехова слишкомъ слаба, чтобы стоило долго останавливаться на ея красотахъ и недостаткахъ. Я о другомъ хочу поговорить.

Ивановъ пять лѣтъ тому назадъ полюбилъ дѣвушку, которая, чтобы выйти за него замужъ, перемѣнила вѣру (она еврейка), разсорилась съ родителями, отказалась отъ богатства. Теперь Ивановъ уже разлюбилъ ее и даже полюбилъ другую, а жена по прежнему его любитъ; драматическое положеніе осложняется еще болѣею женой, а

маленьких
исти поду-то-
якаго рода
ть въ драмѣ
одерживаетъ
того испи и
иванія. При-
смахъ, коми-
ль картъ, до
мѣсто «про-
альныя дѣй-
ствъ, ясно и
и, что отъ
и пропадетъ
потому заста-
ющаго лица
срдечный, до
рить настъ»,
извѣстныхъ
и сценъ, съ
и дѣйстви-
стаетъ его на
едевой, и это
то потрясаетъ.
ицаетъ. Сашу
и идишь они,
никомъ случаѣ
мываютъ раз-
сѣдлости. Это
илю—глаголю и
мысли автора,
глупые и не-
оростепенныя
и выдержаны.
всѣмъ надѣ-
здушную чест-
вѣстакъ дѣ-
мъ, и только
и неожиданно
ебедовой, что
юстями, какъ
ольная сцена
тъ, въ театрѣ
и производить
и прежде тѣмъ
и рукъ, «отбѣ-
ужающіе могли
револьвера.
мъ. Какъ ли-
ма г. Чехова
и долго оста-
и недостат-
ворить.
иادی. подлюбилъ
ийти за него
она еврейка),
иказалась отъ
же разлюбилъ
ю, а жена по-
ическое подо-
илю жены, а

крошъ того и дѣла Иванова разстроены. Смутное душевное состояніе естественно при такихъ обстоятельствахъ. Но дѣло все-таки не въ этомъ, но крайней мѣрѣ не только въ этомъ. Ивановъ говоритъ о себѣ: «Вбро- нать я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ увѣдѣ... Извалилъ себя на спину попу, а спина-то и треснула». И въ другомъ мѣстѣ: «Еще года пять, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣжды, умѣлъ пла- кать, когда видать горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохно- вленіе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ па- чей, когда отъ зари до зари сидишь за ра- бочимъ столомъ или тѣнишь свой умъ меч- тами. Я върогалъ въ будущее глядѣть, какъ въ глаза родной матери». — Это не хвастаетъ Ивановъ: такимъ именно помнитъ его жена, да и сейчасъ есть какіе-то люди, которые «съ благоговѣніемъ прислушиваются къ его вздохамъ, глядять на него, какъ на второго Магомета и ждутъ, что вотъ-вотъ онъ объ- явить имъ новую религію». Но онъ уже надорвался, онъ обезсилѣлъ отъ подвигамъ имъ подвигамъ и трудовъ...

Какіе это великіе подвиги и труды под- косили Иванова, — мы, къ сожалѣнію, не по- лучаемъ свидѣній. Въ одномъ мѣстѣ онъ, правда, какъ будто пробуетъ разсказать, «чѣмъ занимался, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты», но и только, а это не такъ ужъ вѣдь необыкновенно. Приходится вѣрить автору на слово: подвиги и труды были великіе, несказанные. И вотъ тридча- тиятилѣтній Ивановъ считаетъ себя въ правѣ давать такіе совѣты молодому доктору Львову:

«Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на пси- хопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ, а выбирайте себя что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яр- кихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ миллионами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціо- нальныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей... Запритесь себѣ въ свою рако- вину и дѣлайте свое матернское, Богомъ данное дѣло... Это теплое, честное и здоровье».

А старику Лобедеву Ивановъ говоритъ:

«Если когда-нибудь въ жизни тебѣ встрѣтится молодой человекъ, горячій, искренній, не ху- лый, и ты увидишь, что онъ любитъ, ненавидитъ и вѣритъ не такъ, какъ всѣ, работаетъ и вадѣтся за десятирѣчи, сражается съ мельницами, бьетъ лбомъ о стѣны, если увидишь, что онъ извалилъ на себя попу, отъ которой хрустятъ спина и

тинутся жилы, то скажи ему: не сибни расхо- довать свои силы на одну только молодость, победы ихъ для всей жизни: пейте, возбуж- дайся, работай, но знай мѣру, иначе жестоко накажетъ тебя судьба! Въ 30 лѣтъ уже настанетъ вохмелѣ и ты будешь старъ!

Таковы печальные результаты чрезмѣр- ности труда и подвига, — чрезмѣрности, въ составъ которой удивительнымъ образомъ занесена даже женитьба на еврейкѣ. Не особенно однако краснорѣчивъ Ивановъ, не особенно богатъ запятой образами и словъ, при помощи которыхъ онъ живописуетъ ужас- ное положеніе человека, раздвоеннаго соб- ственнымъ трудомъ и подвигомъ: все одиѣ и тѣ же метафоры, съ кѣмъ бы онъ ни говорилъ, все немудрыя комбинаціи од- нихъ и тѣхъ же словъ, — «сражаться съ мельницами», «бить лбомъ о стѣны», «трес- нула спина» или «хрустятъ спина», «жилъ не такъ, какъ всѣ» или «работаетъ не такъ, какъ всѣ». А между тѣмъ мы узнаемъ частью отъ самого Иванова, частью отъ его жены, что когда-то онъ умѣлъ такъ говорить, что «трогалъ до слезъ даже невѣжды». Авторъ не умѣлъ или не хотѣлъ дать намъ послу- шать этихъ пламенныхъ рѣчей, ну, а «сѣ- ренькую, заурядную жизнь безъ яркихъ кра- сокъ, безъ лишнихъ звуковъ» мудрено рас- писывать яркими красками: не такими гла- голами жгутся сердца людей. Возможны, конечно, исключительныя положенія. Убѣ- денный сѣдинама старецъ или, еще лучше, старушка съ серебряными локонами натри- сущаяся отъ дряхлости и волненія головъ, можетъ, напутствуя сына или внука въ жизнь, найти краснорѣчивыя слова на тему рѣчей Иванова: береги себя, во всемъ мѣру знай, не утруждай себя, одѣвайся теплое, въ случаѣ чего оподозрѣешь натрайся и линовыи цвѣтъ ней. Старушка можетъ найти для этихъ совѣтовъ дѣйствительно трога- тельныя выраженія. И смысла ея, немножко можетъ быть лукаво прикрашеннаго, на свой собственный опытъ, на печальную судьбу слишкомъ пылкаго мужа или брата, и вздра- гивающія пряди серебряныхъ волосъ, и слезы на морщинистыхъ щекахъ, и шамка- нье беззубаго рта, и визаналъ фуфайка соб- ственной работы, тутъ же вручаемая моло- дому любимцу, — все это можетъ сложиться въ прекрасную картину. Нѣкоторые коми- ческіе штрихи этой картины не помѣшаютъ общему характеру впечатлѣнія, которое она можетъ возбудить въ растроганныхъ серд- цахъ зрителей. Но подвинуть въ этой кар- тинѣ сѣдопласую старушку тридцатилѣт- нымъ здоровымъ молодцомъ, — это была бы очень смѣлая мысль, еслибы только требо- валась хоть какаго-нибудь смѣлости для про- паганды «сѣренькой, заурядной жизни» во- обще, а тѣмъ болѣе въ средѣ, и безъ того

живущей смирной, заурядной жизнью! Понятное дело, что для подобной проповеди талант вовсе не нужен или, что то же, она не может быть ярка, увлекательна, талантлива, и, по истини — «разбойтесь силы, вы не нужны!». В частности понятно, что г. Чеховъ, будучи очень талантливым молодым писателем, написал плохую драму, а Ивановъ, будучи от природы человеком красноречивым, говорить плохих речей. Когда Ивановъ призываетъ къ труду и подвигу, онъ «трогалъ до слезъ даже не вѣждъ», а когда онъ призывается къ смирной и заурядной жизни, онъ никого не трогаетъ, потому что борется за дело, приличествующее не ему, а той смирной старушкѣ, которая выжметъ внуку фуфайку и суетъ стклянку съ оподальдоконь. Драма же г. Чехова, помимо всего прочаго, плоха потому, что онъ думаетъ вызывать въ зрителяхъ и читателей сочувствіе къ Иванову и вѣрить, что тотъ действительно совершалъ какіе-то геркулесовы подвиги.

Великій писатель, только-что засыпанный землею на Волковомъ кладбищѣ, лучше г. Чехова нарисовалъ бы фигуру Иванова. И не только потому, что онъ былъ великій талант. Самъ любившій и ненавидѣвшій действительно не такъ, какъ всѣ, самъ работавшій действительно такъ, что у него синяя трещала, самъ совершавшій настоящие подвиги, которые у всѣхъ передъ глазами, — онъ не повѣрилъ бы Иванову. Онъ сдѣлалъ бы изъ него комическую или презрѣнную фигуру болтуна, который дуется на воду, даже не попробовавши обжечься на молокѣ, и какъ же бы онъ исполосовалъ этого ломающегося болтуна, кокетничавшаго проповѣдью «шаблона» и «смирной, заурядной жизни». Я думаю, что придавая это сатирическое освѣщеніе фигурѣ Иванова, шестидесяти-трехлѣтній Щедринъ былъ бы не только ближе къ художественной правдѣ, но и моложе молодого автора драмы. И ужъ конечно Щедринъ ожегъ бы этимъ глаголомъ сердца людей, а г. Чеховъ своей драмой этого никакъ не можетъ сдѣлать, даже если бы онъ былъ гораздо талантливѣе, чѣмъ въ действительности есть...

Жечь не жгутъ подобныя произведенія, но известную смуту въ умы читателей внести могутъ. Когда ихъ много, — а ихъ теперь много въ самыхъ разнообразныхъ родахъ и формахъ, — отъ нихъ плесневетъ мысль, соблазненная кажущейся практичностью, опредѣленностью, ясностью предлагаемыхъ задачъ. Каковъ-то, дескать, еще тамъ журавль въ небѣ, а синица-то вотъ сейчасъ въ рукахъ. На самомъ дѣлѣ, однако, соблазненная мысль сплошь и рядомъ хватается даже не за синицу, и вѣтъ ничего легче, какъ

надуть что угодно въ уши, настороженные въ сторону «отрезвѣнія», умѣренности и аккуратности, спокойствія и тому подобныхъ прекрасныхъ вещей.

IV.

Смерть Зайончковской. Проклятіе г. Щеглова.

Еще смерть, еще одинъ талантливый и честный человекъ выбылъ изъ рядовъ литературы: умерла Надежда Дмитріевна Зайончковская, известная подъ псевдонимомъ В. Крестовскій. Покойница оставила большое и своеобразное литературное наслѣдство. Въ немъ едва ли найдутся крупныя типы, художественно воплощающія рѣзко опредѣленную личную страсть или суммирующія, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, широкое общественное движеніе. И однако въ писаніи Зайончковской вложена бездна чрезвычайно тонкаго психологическаго анализа, и общественное значеніе ихъ несомнѣнно. Изъ ея героевъ и героинь нельзя составить галерею ярко нарисованныхъ портретовъ съ рѣзкими, незабываемыми чертами, какую даютъ произведенія ея современниковъ — Щедрина, Тургенева, Достоевскаго, Островскаго, Толстого. И однако она занимала высокое положеніе въ литературѣ, блиставшей этими именами. Она не утонула въ лучахъ этихъ звѣздъ первой величины и въ продолженіе почти сорока лѣтъ *) свѣтилась своимъ собственнымъ тихимъ и ровнымъ свѣтомъ, никогда себя не помня.

Сфера наблюдений Зайончковской сама по себѣ не широка. Это почти исключительно семейныя и любовныя отношенія въ томъ слогѣ общества (главнымъ образомъ провинціальнаго), который имѣетъ достаточно досуга, чтобы не думать о завтрашнемъ кускѣ хлѣба, но не имѣетъ ничего для наполненія этого досуга.

Въ сущности большинство романовъ беретъ изъ этой среды своихъ героевъ и въ особенности героинь, такъ какъ женщина можетъ имѣть достаточно ненаполненнаго досуга и въ томъ случаѣ, если ея мужъ или отецъ цѣлыми днями, не разгибая спины, корчитъ въ какой-нибудь канцеляріи. Но большинство романовъ изолируютъ свои семейныя и любовныя драмы и водевилы, срываютъ ихъ съ ихъ общественнаго корня и предоставляютъ имъ разыгрываться гдѣ-то

*) Ея первый повѣсть была напечатана, если не ошибаюсь, въ 1850 г. Раньше была напечатана едва-ли не единственный ея большой стихотворный опитъ.

на воздухѣ. Зайончковская первыхъ же своихъ произвинула рамки семейной и до того, что эта была прѣстѣнная картина базарской суеты при полномъ оныхъ интересахъ. При этомъ въ сегоднешнемъ дѣлѣ сѣрами.

Когда нѣсколько лѣтъ тому въ разговорѣ попрекнула она: давно не пишешь, хочешь людей смѣнить, ей, старухѣ, рассказывали, полюбила ее или наоборотъ въ роцѣ соловьевъ, вѣдь ея или его сердце потомъ. На это можно было въ прежде всего то, что для ея и раньше свѣтъ на роцѣ съ соловьями; еслибы даже и въ самъ не пристало, такъ нелюбовныхъ отношеній исключительно заслуживающаго воспроизведенія покойницы была известна. Именно, что ее самое тянуло къ воспроизведеніямъ. Опять — таки крупныхъ, и мелкихъ, Geschichte которая была имѣла тысячи и будеще новыя тысячи ватему. Но Зайончковская выразилась, любила изображенія, а саму историческимъ концомъ — манія, что у Тургенева мастера по части изъ отношеній, соответствующія, во-первыхъ, обыкновенными средствами Рудина во всемъ блескѣ, или Инсарова, вѣдь къ далекой, рыхъ, семейныхъ отъ не видны. Вскользь для фона разсказа и пары Ратмировыхъ, ныхъ, но вы видите, ютъ художника, ея красота первыхъ тѣ только онъ поженіи, такъ сейчасъ, путемъ смерти (Иванъ ушелъ куда-то такъ видать (супруги Софьяныхъ родства не дѣла для Тургенева родственники, а п